

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-641-655

**«УРЯНХАЙСКИЙ ВОПРОС»
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ НАЧАЛА XX В.
И ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ В НЕМ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ**

В.А. Василенко

Иркутский государственный университет
664003, Россия, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
vasil-vic79@yandex.ru

В статье представлен анализ участия иностранных государств в решении проблем, связанных с вопросами ведения внутренней и внешней политики в Туве в начале XX в. Помимо рассмотрения проблемы взаимоотношений России, Китая и Монголии по «урянхайскому вопросу», ставшей традиционной в отечественной и зарубежной историографии, автор уделяет внимание аспектам присутствия интересов в регионе других государств, находящихся за пределами «центральноазиатского треугольника». Приведены подробные факты, относящиеся к вопросам пребывания иностранных подданных в Туве.

Ключевые слова: Урянхайский край, центральноазиатский треугольник, Россия, Китай, Монголия, Тува, Урянхай

Введение

Соблюдение территориальной целостности, задачи, связанные с безопасностью государственных границ, являются приоритетными в национальной политике каждого государства. С республикой Тыва исторически связано понятие лимитрофа – пространства пересечения цивилизаций. Уникальность географического расположения обусловила пересечение интересов в регионе Монголии, Китая и России. История соперничества указанных стран в Туве сохраняет свою актуальность и активно обсуждается на страницах отечественных и зарубежных исследований. Богатый ресурсный потенциал Тувы (до 1921 г. – Урянхайского края) обусловил присутствие интересов в регионе стран, не входящих в состав «центральноазиатского треугольника».

В контексте соблюдения национальных интересов, в числе которых по-прежнему приоритетными остаются поддержание стабильности в трансграничных регионах, таких, как Тува, история участия различных государств в «урянхайском вопросе», изучение методов, которые использовала российская сторона в решении споров по означенному вопросу в отношениях как с Кита-

ем и Монголией, так и со странами, не входящими в состав «центральноазиатского треугольника», несомненно, являются актуальными.

Вопрос об участии в «урянхайском вопросе» стран, территориально удаленных от Тувы – Японии, США, Франции, Германии, Бельгии и других государств Западной Европы, рассматривался косвенным образом в сборнике документов «За три века: тувинско-русские-монгольские-китайские отношения (1616–1915 гг.)», опубликованном в 1995 г. Большая часть неопубликованных материалов содержится в Архиве внешней политики Российской империи (фонды «Миссия в Пекине», «Китайский стол», Государственном архиве республика Тыва (фонд «Комиссар по делам Урянхайского края и Усинского округа»), Государственном архиве Иркутской области (фонд «Канцелярия иркутского генерал-губернатора»). Данная проблематика рассматривалась в трудах С.В. Шостаковича, Н.И. Леонова, В.И. Дулова, Е.А. Белова, Ю.В. Кузьмина и других ученых [1–4]. Вклад иностранных исследователей в изучение Тувы описан подробным образом в работе М.В. Монгуш [5]. Особенности взаимодействия российских региональных властей с иностранцами, посещающими Туву, специфика отношений иностранцев с местным населением в означенных работах рассматривались косвенным образом.

Задачи настоящей статьи заключаются в изучении вопроса участия в «тувинской политике» стран, территориально удаленных от Тувы – Японии и государств Западной Европы, а также проведении комплексного анализа политики российских властей на местах в отношении иностранного контингента, пребывающего на территории Урянхайского края в период действия российского протектората. Целью исследования является определение характера геополитических интересов стран, не входящих в состав «центральноазиатского треугольника».

Хронологические рамки исследования обусловлены активизацией российской политики в решении «урянхайского вопроса» в начале XX в., которая до провозглашения Тувинской народной республики проводилась в рамках имперских традиций. В процессе решения исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа.

«Урянхайский вопрос» в работах ученых Западной Европы и США

Говоря о присутствии «западноевропейского», «американского» и «японского» факторов в Туве, необходимо помнить, что данный вопрос следует рассматривать не только с точки зрения вопросов геополитики и наличия интереса иностранного капитала к ресурсному потенциалу края. В различные периоды заинтересованность к региону проявляли ученые, писатели, этнографы – выходцы из стран Западной Европы и Америки: Дж. Фриттерс, Р. Квестид, Ч. Боуден, Р. Рупен, О. Латтимор и другие. Дадим им краткую характеристику.

В работе Д. Фриттерса «Внешняя Монголия и ее международное положение» внимание уделяется вопросу установления протектората России над Тувой в 1914 г. Говоря об «урянхайской политике», автор подчеркивал, что ее характер менялся в зависимости от внешнеполитической ситуации, сложившейся на восточных российских рубежах [7, с. 107]. В монографии «Экспансия России в Восточной Азии (1857–1860 гг.)» английская исследовательница Р. Квестид, оценивая характер взаимоотношений русского приграничного населения с тувинцами, характеризует Тану-Урянхай как самую «конфликтную» часть территории Северной Монголии [8, с. 36]. В исследовании «Монголы двадцатого столетия» американский ученый Роберт Рупен, приводя факты колонизации Урянхайского края русским населением, называет факт установления протектората России над Тувой вполне закономерным явлением [9, с. 17]. Ч. Боуден, автор книги «Современная история Монголии», анализируя политику России в Туве, оценивает ее как крайне агрессивную [10, с. 85].

В задачи настоящей статьи не входит подробный историографический анализ указанных выше работ. Остановимся чуть подробнее на тех трудах, чьи авторы посетили Туву в начале XX в.

Первым иностранцем, описавшим свое пребывание в Туве, стал Д. Каррутерс. Его труд «Неведомая Монголия. Урянхайский край» стал классикой в тувиноведении. Начал он свое путешествие по Туве в 1910 г., при поддержке Королевского Географического общества Великобритании. Основной задачей экспедиции было исследование района верхнего бассейна Енисея. На сегодняшний день работа Д. Каррутерса остается одной из самых востребованных по изучению географии и этнографии Тувы. Сам автор вошел в историю как «истинный азиатский путешественник», описавший в своем труде «два самых счастливых года своей жизни» [11, с. 10].

Вторым иностранцем, посетившим Туву, был немец О. Менхен-Хельфен, синолог по образованию. Он посетил край в конце 20-х гг. XX в., в составе экспедиции, собранной по инициативе Коммунистического университета народов Востока. К тому времени она уже имела статус Народной Республики. В отличие от труда английского исследователя, книга Менхен-Хельфена не содержит, по мнению ряда ученых, системной информации, и представляет собой своего рода путевые заметки о Туве [5]. Вместе с тем необходимо отметить, что наряду с описанием этнографических сюжетов, в ней сравнительно подробно представлено описание политического статуса в Туве, приведены факты, относящиеся к общему характеру политики советской власти в отношении республики [5].

Геополитическое соперничество стран на территории Урянхайского края

Присутствие интересов политического, финансового характера со стороны стран, территориально удаленных от Тувы, наиболее очевидным образом проявилось в середине XIX в., что было обусловлено развитием кризисных

явлений в Цинской империи. На данный факт также оказали воздействие смена внешнеполитической концепции маньчжурами: начало проведения политики самоусиления в 60-х гг. XIX в. сделали возможным укрепление позиций иностранных держав, в особенности на периферии Китая.

По этой же причине в начале XX в., по мере отторжения части китайских территорий Россией и другими державами, Цинское правительство стремилось закрепить на окраинах, в том числе Халха-Монголии и Туве. До начала XX в. Танну-Урянхай был территорией, закрытой для въезда китайцев. Однако в 1901 г. был официально разрешен въезд китайским торговцам, а с 1903 – свободный въезд всех китайских подданных¹. С этого времени в Туве начинается процесс, который условно носит термин «встречной» колонизации [12, с. 155]. Меняется основное направление российской политики по «урянхайскому вопросу», и с 1901 г. иркутскому генерал-губернатору было дано указание не чинить никаких препятствий к развитию русской колонизации Тувы. Таким образом, в крае наблюдалось усиление как русского, так и китайского торгово-промышленного элемента. С этого времени русские торговцы и промышленники нередко могли выступать в роли посредников между местными властями и представителями европейского промышленного капитала. Так, владелец приисков В. Черневич вел переговоры с английскими инженерами о возможном участии английского капитала в развитии золотопромышленности Урянхая. По этой же причине один из самых влиятельных представителей русского торгово-промышленного элемента в Урянхайском крае, Г.П. Сафьянов, в 1910 г. приглашал в Туву члена английского парламента Малькольма Смита [6, с. 492].

С 1904 по 1906 г. на высоком правительственном уровне обсуждался вопрос о разработке асбестовых месторождений и золотодобыче на горе Ак-Товурак польскими инженерами, Синицким и Коциолкевичем, а также членом Парижского синдиката асбестовой промышленности, инженера Плено. Крестьяне Хаиров и Кононов, обнаружившие на горе Ак-Товурак залежи асбеста, перепродали полякам документы с соответствующей информацией. Поскольку край официально считался китайской территорией, российские власти опасались, что западноевропейские специалисты могут поднять вопрос о правовом статусе края. Некоторые чиновники выступали за то, чтобы русские золотопромышленники давали обязательство в письменной форме не продавать прииски в Урянхае².

Французы все же получили разрешение китайского правительства на разработку асбеста, несмотря на возражения российских властей. Но, встретив протест со стороны влиятельного чиновника, главы Кемчикского кожууна, нойона Хайдуба, иностранцы, как и русские предприниматели, так и не смогли получить доступ к богатствам Ак-Товурак. Разработка асбеста на Кемчике

¹ Государственный архив иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 91.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 6.

была приостановлена до 1912 г. [13, с. 63]. Помимо англичан и французов к ресурсному потенциалу края проявляли интерес бельгийцы и немцы. Так, В.И. Дулов приводит факты о том, что немецкие фирмы из Лейпцига занимались скупкой пушнины [6, с. 492].

Как уже говорилось выше, в начале XX в. у Японии также имелись геополитические интересы в Туве, носящие косвенный характер. Спустя два года после окончания русско-японской войны 1905 г. Россия и Япония подписали конвенцию, содержащую секретный договор о разделе Маньчжурии на сферы влияния – русскую (северную) и японскую (южную). Россия обязалась не мешать политическим действиям в Корее, а Япония, в свою очередь, признавала «специальные интересы» России во Внешней Монголии. В 1910 г. договор был пролонгирован. Однако вопреки достигнутым соглашениям, же в 1908 г. во Внешнюю Монголию было направлено несколько японских разведывательных партий, изучающих пути, ведущие в Забайкалье. Следствием этого стало распространение среди населения Тану-Урянхия слухов о скором переходе края Японии, что подтверждалось в отчетах усинского пограничного начальника, А.Х. Чакирова¹.

Уполномоченный российский посланник в Пекине, действительный статский советник И.Я. Коростовец подчеркивал: «В отношении Застенного Китая и особенно Внешней Монголии ... где предоставлена свобода действий, мы должны учитывать последствия подобного посвящения Японии в наши спорные вопросы с Китаем... Ввиду вышеизложенного, казалось бы предпочтительнее не заходить слишком далеко в обмене мнений с японцами по поводу Застенного Китая и особенно не посвящать их в такие подробности, которые обнаружат слабые стороны нашего положения на этой границе»². Одной из «слабых сторон» России на восточной границе с Китаем был участок Северо-Западной Монголии – Тува. В материалах российских архивов и отечественной историографии приводятся другие сведения, подтверждающие присутствие интересов Японии в Танну-Урянхайском крае в первой четверти XX в.

С началом Синьхайской революции китайское присутствие в Туве было сведено на нет. По замечанию С.Р. Минцлова, «изгнавший от себя во время китайской революции всех китайцев, отделившийся от Монголии и, в свою очередь, отделенный беспредельными пространствами ее от Китая, богатейший край этот, населенный разрозненными племенами нищих кочевников, остался без хозяина и резко тяготеет к России. Такая неопределенность политического положения края привлекла к себе внимание иностранцев и шведы, американцы и англичане посылали в него свои ученые экспедиции, обрисовывавшие, вместе с тем, свои правительствам состояние дел в этом лакомом куске» [14, с. 2]. С этого времени российское правительство стало предпринимать ряд по-

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 17. Л. 9.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 137. Оп. 475. Д. 617. Л. 466.

следовательных мероприятий по расширению сферы политического влияния в Урянхае.

К их числу относилось хозяйственное и культурное освоение края.

Среди участников научных и хозяйственных экспедиций, отправляемых российской стороной, были и иностранцы. За ними устанавливалось наблюдение, все сведения об их пребывании тщательно фиксировались в Усинском пограничном управлении, а с 1913 г. – пограничном комиссариате. Так, в 1912 г. австрийский подданный Франц Шиллингер обратился с ходатайством предпринять охотничью экспедицию по Сибири, Монголии и Тибету с целью сбора коллекции диких зверей, по поручению музея естественной истории в Вене. Китайскую границу Шиллингер планировал перейти в Усинском крае. В Енисейскую губернию австрийский исследователь должен был прибыть в январе 1914 г., с этого времени над ним надлежало установить наблюдение, поскольку Шиллингер подозревался в причастности к военному шпионажу¹.

Политика российских властей в Туве в отношении иностранных подданных в период действия протектората

В 1914 г., на основании прошений глав наиболее крупных тувинских кожуунов о принятии в российское подданство, был установлен протекторат России над Тувой. Сам факт протектората не был признан ни одним государством. В силу защиты государственных интересов российское правительство установило особый режим охраны границ края и въезда на его территорию иностранных подданных.

Протекторат стал одним из отправных моментов, положивших начало поэтапному включению Урянхайского края в пределы российской государственности. С его установлением пребывание китайцев на территории края было крайне нежелательным для российской стороны. Сыграло немаловажную роль и изменение геополитической обстановки с началом Первой мировой войны.

В циркуляре Главного управления генерального штаба Министерства внутренних дел от 28 августа 1914 г. № 4932 в Красноярск и Усинское пограничное управление было указано: «Отмечается, что в последние годы наблюдается массовый наплыв в Россию китайцев, прибывающих за пределы Российской империи в качестве мелких торговцев. Рассеиваясь и проживая без всякого надзора по всей стране, китайцы-торговцы представляют собой элемент, из которого легко могут требоваться военные разведчики в пользу иностранных держав». Было отмечено также, что, «в целях пресечения шпионских поползновений со стороны прибывающих в пределы Империи китайцев признается крайне необходимым установить повсеместное в России, через посредство чинов жандармской и общей полиции тщательное на-

¹ Государственный архив республики Тыва (ГА РТ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б. Л. 2.

блюдение за китайцами на предмет выяснения истинных их занятий и целей пребывания в Империи». Кроме того, управление потребовало докладывать о всех прибывающих китайцах в Урянхайской край: «обо всех заподозренных в шпионстве надлежит оповещать в надлежащие Окружные штабы и Департамент полиции»¹.

Иными словами, соблюдение национальных интересов требовало применения необходимых мер безопасности, и это требование распространялось, в первую очередь, на самые «проблемные» участки российской границы, в том числе в Урянхай. Любое пребывание китайских торговцев в крае местные власти стремились свести на нет. Так, в августе 1914 г. двум китайским торговцам было отказано во въезде туда по причине «неустойчивого положения в... крае», а также по причине того, что «безопасность их жизни не может быть достаточно обеспечена покровительственными мерами со стороны русской местной власти»².

С началом действия протектората колонизационные процессы в крае проходили с большей интенсивностью: российское правительство предпринимало ряд мер по политическому и хозяйственному переустройству края, в результате которых за Урянхаем должен был закреплён статус российской территории. С другой стороны, в его хозяйственном и промышленном освоении был заинтересован частный российский торговый и промышленный капитал. И в тех, и других процессах были задействованы, пусть и с небольшой долей участия, представители других государств.

С целью открытия ветеринарной станции в Белоцарске в 1914 г. была командирована ветеринарная экспедиция в Урянхайский край, в состав которой был включен в качестве зоотехника германский подданный агроном П.М. Вейгель. Деятельность иностранца находилась под пристальным вниманием местных властей, а сам пограничный комиссар В.Ю. Григорьев в письме Князеву отмечал, что внимание агронома «как исследователя поглощалось в значительной мере задачами, посторонними зоотехнике... г. Вейгель проявлялся в Урянхае не столько в качестве объективного исследователя, сколько лица, которое намеренно или ненамеренно ведет антирусскую агитацию в крае»³.

Иркутский генерал-губернатор, в свою очередь, обратил внимание министра внутренних дел на то, что командирование иностранца считает «неудобным» в крае, «находящемся в переходном состоянии, где предстоит постепенное устройство русского управления иностранца в качестве русского официального лица»⁴.

¹ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б. Л. 2.

² Там же. Л. 13.

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 170. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 9.

До получения ответа на данное замечание со стороны Маклакова (МВД) Князев задержал Вейгеля в Иркутске, однако иностранец выехал в Россию дальше. В Урянхае Вейгель продолжал вести свою деятельность, а в январе 1915 г. был принят в русское подданство¹.

В июле 1914 г. Урянхайский край посетили знаменитый специалист по горной промышленности, полный член Великобританского Королевского Горного и металлургического Института Нокс и его помощник Вайт. Основная цель поездки заключалась в оценке речных систем с точки зрения их эксплуатации в золотодобыче².

На золотых приисках Черневича, Железнова, Воронина работали японские подданные, корейцы по национальности. В период с 1914 по 1917 г. их число варьировалось до 17, а к 1919 г. возросло до 48 человек³.

Дальнейшее укрепление позиций России в период действия протектората требовало немалых финансовых вложений, а их существенным образом не хватало. Участие в России в Первой мировой войне отразилось негативным образом на материальном обеспечении деятельности русских властей в крае. Иркутскому генерал-губернатору с трудом удалось получить кредитные средства от Министерства внутренних дел на ведение разведывательной деятельности в крае⁴. В то же время монгольское и китайское правительства стремились по-прежнему изменить ситуацию в свою пользу. Зачастую в край направлялись эмиссары из Урги для проведения активной агитации⁵. В 1916 г. был организован мятеж против русской власти, в подготовке и проведении которого большую роль сыграли монголы, они же пожаловали предводителю восстания Ванчику титул гуна (князя). В этом же году был убит ставленник российской власти Агбан Шарып⁶. Таким образом, к 1916 г. обстановка в Урянхае была крайне напряженной. С российской стороны был предпринят ряд мер, в том числе увеличение вооруженных сил в крае до числа сотни. Российские власти, во избежание усиления позиций Китая, установили также в 1916 г. временный запрет для большинства китайцев, пересекающих тувинскую территорию. Так, на основании распоряжения иркутского генерал-губернатора в июне 1916 г. был наложен запрет на проезд через Урянхай китайского чиновника, а приставам и урядникам края пограничным комиссаром было рекомендовано выдворять китайцев, всех без исключения⁷.

Однако исключения, обусловленные необходимостью присутствия китайских рабочих, все же были. Так, в начале 1917 г. заведующий устройством русского населения ходатайствовал перед комиссаром по делам Урянхайского

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 170. Л. 12.

² ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б. Л. 15.

³ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б. Л. 1, 14.

⁴ ГАИО. Ф. 5. Оп. 11. Д. 132.

⁵ ГАИО. Ф. 25. Д. 129. Л. 171.

⁶ Там же. Л. 23 (об).

⁷ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б. Л. 23. Л. 66.

края об оставлении артели китайцев из 10 человек «на работах по добыче угля для казенных надобностей», поскольку, как отмечалось, работников «заменить в настоящее время без ущерба для казны ни в коем случае не представляется возможным, так как добыча здесь каменного угля примитивными приспособлениями сопряжена с большим затруднением и поэтому нанять... другую артель из русских, которые на эту работу не идут, совершенно невозможно»¹. Ходатайство было удовлетворено, и китайцев оставили до марта 1918 г. при условии бдительного наблюдения².

Приход к власти Временного правительства в феврале 1917 г. не изменил, в целом, концепции управления Урянхайским краем – протекторат России по-прежнему сохранялся. Период 1917–1919 гг. был переходным, власть в крае переходила от сторонников поддержания старого порядка к большевикам и наоборот. Однако методы надзора и контроля за пребыванием иностранных граждан в крае оставались неизменными, а самим подданным иностранных государств приходилось находить общий язык с постоянно меняющейся властью.

В июле 1917 г. по поручению российской академии наук в край были командированы ученый хранитель минералогического музея Академии наук, О.А. Баклунд и профессор Гельсингфорского университета Я.И. Седерхольм. Основной целью поездки было «научное исследование гранитов»³. В составе экспедиции были также ученые-норвежцы Стейнар Фослие и Гакс-Гауген.

Российские власти пристально следили за членами экспедиции, постоянно докладывая о событиях краевому комиссару в Иркутск. Вскоре действия иностранцев были «признаны не соответствующими своему назначению».

По словам исполняющего обязанности комиссара В.Н. Самойлова, иностранцы «сорят деньгами, столбят золотиносные каменноугольные и прочие площади не имея на это никакого разрешения», заняли золотосодержащую местность по левому берегу р. Енисей (Улу-Кем) примерно в 22 верстах от Белоцарска⁴. Они же намеревались, по сообщениям комиссара, открыть кожевенный завод и приобрести лесопилку у одного из русских поселенцев. Указанные действия стали предметом специального обсуждения на совещании, состоявшемся 25 июля 1917 г., собранном по инициативе временно исполняющего обязанности комиссара В.Н. Самойлова. На нем было принято решение «о содействии исполнению поручений академии по научному исследованию гранитов в Урянхайском крае... остальные мероприятия прекратить, в случае сопротивления их выслать за пределы края»⁵. Решение, принятое на совещании, не было единогласным: 25 участников выразили мнение о том, что «ниче-

¹ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 65.

² ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б. Л. 23. Л. 66.

³ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 65. Л. 5–5 (об).

⁴ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 65. Л. 15. Л. 15 (об).

⁵ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 65. Л. 24, 25.

го не имеют против исследования богатств в Урянхэе», а в протоколе общего собрания населения г. Белоцарска от 18 августа 1917 г. сказано, что решение комиссара запретить разведку является неправильным¹. Но В.Н. Самойлов, по-прежнему придерживаясь мнения о том, что «иностранцы являются подставными лицами иностранного капитала», активно добивался прекращения предпринимательской деятельности О.А. Баклунда и Я.И. Седерхольма. В конечном итоге комиссар получил ответ от заведующего горным подотделом о том, «все золотоносные местности в пределах Урянхайского края, согласно декрету о земле от 26.10.1917. доступны для разведок и разработок исключительно трудовыми артелями»². На этом, по всей видимости, данный вопрос был исчерпан.

Усиленное наблюдение было также установлено в конце августа 1917 г. японцами – Томи Сатоо и Санзира Токадо³.

Смена позиций по «урянхайскому вопросу» в политике России после 1917 г.

Смена власти в России с приходом большевиков изменила общее направление курса «восточной политики», которая, по справедливому замечанию Н.М. Моллерова, на первых этапах была весьма противоречивой [15, с. 17]. В контексте принципа самоопределения народов, зачастую в ущерб геополитическому положению страны, советская дипломатия пошла на разрушение систем, служивших своеобразным «щитом безопасности». К такой системе относилась и кяхтинская, обеспечивавшая относительную стабильность и автономность существования Халха-Монголии и Танну-Урянхая [13, с. 18]. Ослабление в этой связи позиций России на восточных рубежах привело к тому, что летом 1918 г. на территорию Монголии и Тувы были введены монгольский и китайский военные отряды. Приход к власти Омского правительства, возвращение к прежней форме управления краем – протекторату – не изменил ситуации: в долине р. Хемчик был организован антиколчаковский мятеж, который вскоре принял характер антирусского и вскоре перерос в гражданскую войну [16, с. 72]. Против правительства Колчака выступало население Тувы, нередко сражаясь в монгольских и китайских вооруженных отрядах. Сторонниками Временного Сибирского правительства были представители тувинской элиты [16, с. 72].

Само правительство Колчака, потерпев серию неудач и поражений в борьбе с большевистскими войсками, нередко меняло тактику в отношениях с китайской и монгольской стороной, все больше придерживаясь нейтралитета в

¹ Там же. Л. 26.

² Там же. Л. 68.

³ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б. Л. 23. Л. 108.

сношениях с иностранными государствами, а методы наблюдения и контроля за пребыванием иностранцев в Урянхайском крае оставались неизменными. Министерство иностранных дел Омского правительства до последнего рекомендовало комиссару воздержаться от выдачи каких-либо разрешительных документов китайцам для въезда в Урянхай¹.

С помощью партизанских отрядов под руководством А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина власть большевистского правительства была восстановлена, а в июле 1919 г. СНК РСФСР обратился к правительствам Северного и Южного Китая с декларацией, в которой говорилось о готовности прекратить все действия неравноправных договоров и отказаться от всех завоеваний царского правительства [15, с. 21]. В данном контексте выстраивалась линия отношений по «урянхайскому вопросу» и в дальнейшем: советская власть до начала 1920-х гг. основной задачей ставила защиту интересов русских поселенцев в Урянхае. Вопрос о территориальном статусе края не был первостепенным, поскольку все внимание было сосредоточено на регионах, где решалась судьба Гражданской войны, поэтому вопрос о вводе китайских войск и дальнейшие действия иностранных государств в отношении Монголии и Тувы на данном этапе не считался приоритетным. Однако в дальнейшем советская сторона прилагала все усилия для проведения политической работы в Туве [16, с. 218–220]. В августе 1921 г. вопрос о ее национальном самоопределении был решен. На Всетувинском съезде было объявлено об учреждении Тувинской народной республики (ТНР). В своей внутренней политике ТНР действовала самостоятельно, во внешней – под покровительством Советской России. С определением политико-правового статуса Тувы вопрос об ее участии во взаимоотношениях с иностранными государствами решался в контексте общего направления «восточной политики» советского государства.

Выводы

Таким образом, участие иностранных государств в решении «урянхайского вопроса» в начале XX в. проявлялось по-разному: и со стороны ученых-этнографов, и со стороны специалистов по горной промышленности.

Заинтересованность к ресурсному потенциалу Танну-Урянхая стала проявляться у представителей западноевропейского промышленного капитала по мере развития кризисных явлений Цинской империи. Можно также отметить, что попытка освоения природных богатств края европейскими промышленниками предпринималась на фоне столкновения интересов стран «центральноазиатского треугольника». В силу собственных геополитических причин Россия и Китай одновременно стремились укрепить свои позиции в регионе. Фактическая неопределенность политико-правового статуса края вынуждала французских, немецких, английских промышленников балансировать между

¹ ГА РТ .Ф. 112. Оп. 1.Д. 123. Л. 138–139.

китайскими и российским властями, русскими колонистами и местным населением для решения вопросов об их дальнейшем участии в разработке естественных богатств Тувы.

Косвенным образом в первой четверти XX в. сохранялся интерес к Туве и соседней с ней Халха-Монголии у Японии, вопреки секретному договору последней с Россией от 1907 г.

Установление российского протектората над Тувой не было признано на международном уровне. По этой причине российское руководство вынуждено было проводить крайне осторожную политику как по реформированию политического устройства края, так и по вопросам взаимодействия с иностранными государствами. Вместе с тем в вопросах, касающихся распространения китайского, монгольского, японского или европейского влияния в крае, российская дипломатия заняла уверенную позицию. Пребывание подданных любых иностранных государств находилось под контролем местных властей. Об их деятельности, перемещениях по территории края докладывалось высшему руководству. Наблюдение за подданными иностранных государств, к числу которых российское правительство относило после 1914 г. Китай и Монголию, усилилось с началом Первой мировой войны. С этого же времени ужесточается порядок выдачи разрешительных документов для иностранцев. Необходимо также отметить факт ужесточения режима пребывания иностранцев в крае с 1916 г., в особенности для китайских граждан, что было связано с ростом прокитайских и промонгольских настроений в крае.

С приходом к власти Советского правительства прекратила существование «кяхтинская система», которая в качестве гаранта относительной стабильности в центрально-азиатском регионе защищала Халха-Монголию и Туву от интервенции со стороны Китая. Причина ее ликвидации повлияла на смену политической ситуации в Танну-Урянхае и появлению новых вооруженных столкновений с китайскими отрядами в период Гражданской войны в России. Лишь с учреждением Тувинской народной республики в 1921 г. территориальные претензии других государств формально на данном этапе были нивелированы.

© Василенко В.А., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Литература

- [1] *Шостакович С.В.* Политический строй и международно-правовое положение в прошлом и настоящем. Иркутск, 1929.
- [2] *Белов Е.А.* Борьба за Урянхайский край в 1915–1919 гг. // Отечественная история. №1. 1998. С. 55–65.

- [3] Кузьмин Ю.В. Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России: (конец XIX – 30-е гг. XX в.) Иркутск, 1997.
- [4] Монгуш М.В. Зарубежные исследователи Тувы (краткий обзор) // Новые исследования Тувы. № 2. 2010. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_6/1731-mongush.html (дата просмотра 25.07.2017).
- [5] Леонов Н. Тану-Тува. Страна голубой реки М., 1927.
- [6] Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы XIX – начало XX вв. М., 1956.
- [7] Каррутерс, Д. Неведомая Монголия. Ч. I. Урянхайский край // Урянхай. Тывадептер. Том 4. Часть 1. М., 2007. С. 10–261.
- [8] Fritters G.M. Outer Mongolia and its international position / G.M. Ed. By E. Lattimore. Hopkins, 1949.
- [9] Qusted R. The expansion of Russia in East Asia 1857–1860. Singapore, 1968.
- [10] Bawden Ch. The modern History of Mongolia. L-N-Y, 1989.
- [11] Lattimore E. The making of modern China. N-Y, 1944.
- [12] Бомбужай А. К-О. Россия и Тува: проблема становления связей в конце XIX – начале XX вв.: дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1999.
- [13] Василенко В.А. На пути к протекторату (Отношения правительства имперской России с Китаем и Монголией по вопросам политического влияния в Туве во второй половине XIX – 1914г.) Иркутск, 2014.
- [14] Минцлов С.Р. Урянхайский край // Енисейская мысль. № 2. 1915. С. 2.
- [15] Моллеров Н.М. История советско-тувинских отношений (1917–1944 гг.). М., 2005.
- [16] Дацышен В.Г. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл, 2003.

2. Документы и материалы

- [17] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 137. Оп. 475. Д. 617.
- [18] Государственный архив республики Тыва (ГА РТ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б.
- [19] ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 65.
- [20] ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б.
- [21] ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 123.
- [22] Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 17.
- [23] ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26.
- [24] ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 129.

Рукопись поступила в редакцию: 4 сентября 2017 г.

Для цитирования: Василенко В.А. «Урянхайский вопрос» во внешней политике России начала XX в. и проблема участия в нем иностранных государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Том 16. № 4. С. 641–655. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-641-655.

Информация об авторе: Василенко Виктория Александровна – к.и.н., доцент кафедры прикладной информатики и документоведения Иркутского государственного университета (Иркутск, РФ).

**“URIANKHAI ISSUE”
IN FOREIGN POLICY OF RUSSIA IN EARLY 20TH CENTURY
AND THE PROBLEM OF FOREIGN STATES’ PARTICIPATION IN IT**

Victoria A. Vasilenko

Irkutsk State University
1 Karl Marx St., Irkutsk, 664003, Russia
vasil-vic79@yandex.ru

The article presents the analysis of the participation of foreign countries in solving the problems related to the management of domestic and foreign policy in Tuva in the early twentieth century. The problem of determining the legal and political status of Tuva and its territorial jurisdiction is traditionally bound in domestic and foreign historiography with the words “Uriankhai issue”. The latter, as a rule, is considered in the context of rivalry between Russia, China and Mongolia – the countries of the “Central Asian triangle”.

The author pays attention to the interests of other countries, including Japan and the countries of Western Europe, in this region. There has been conducted a generalized analysis of the information relating to the presence of Western industrial capital in Tuva, shows the nature of the relations between the European entrepreneurs from Russia, China and Tuva authorities. The article provides the detailed facts of the presence of various groups of foreign citizens in the province in the period of the protectorate. In the context of the analysis of the general geopolitical situation in Central Asia, the author describes the actions of the Russian authorities against foreign troops, including the methods and forms of work in that direction.

The author comes to the conclusion that, despite the use of exclusively peaceful measures against foreign troops in Tuva, the local authorities sought to prevent any actions aimed at undermining the Russian positions in the region. For this reason, depending on the geopolitical situation in Tuva, the regime of stay of foreigners, issuance of permits softened or hardened. The author concludes the study with the description of the events of the 1920s, the time when there was a change of concept relations with foreign states due to the Bolsheviks’ coming to power.

Keywords: Russia, China, Mongolia, Tuva, Uriankhai

REFERENCES

- [1] Shostakovich S.V. *Politicheskiy stroy i mezhdunarodno-pravovoe polozhenie Tuvi v proshlom I nastoyaschem* [Political order and international legal position in the past and present]. Irkutsk; 1929 (in Russian).
- [2] Belov EA. Borba za Uryanhayskiy kray v 1915–1919 gg. [The struggle for the Uryanghai region in 1915–1919]. *Otechestvennaya istoria*. 2003; 1: 55–65 (in Russian).
- [3] Kuzmin YuV. *Mongoliya i «Mongolskiy vopros» v obschestvenno-politicheskoy myisli Rossii: (konets XIX – 30-e gg. XX v.)* [Mongolia and the “Mongolian question” in the socio-political thought of Russia: (the late 19th – 30th of the 20th century)]. Irkutsk; 1997 (in Russian).

- [4] Mongush MV. Zarubezhnyie issledovateli Tuvyi (kratkiy obzor) [Foreign researchers of Tuva (short review)]. *Novyie issledovaniya Tuvyi*. 2010; (2). Available at: https://www.tuva.asia/journal/issue_6/1731-mongush.html (in Russian).
- [5] Leonov N. *Tanu-Tuva. Strana goluboy reki* [The country of the blue river]. Moscow, 1927 (in Russian).
- [6] Dulov VI. *Sotsialno-ekonomicheskaya istoriya Tuvyi XIX – nachalo XX vv.* [Social and economic history of Tuva of the XIX – early XX centuries]. Moscow; 1956 (in Russian).
- [7] Karruters D. Nevedomaya Mongoliya [Unknown Mongolia. Part I. The Uryanhai Territory]. *Uryanhay. Tyiva depter*. Moscow; 2007; 1(4): 10–261 (in Russian).
- [8] Fritters GM. *Outer Mongolia and its international position*. Hopkins; 1949.
- [9] Qusted R. *The expansion of Russia in East Asia 1857–1860*. Singapore; 1968.
- [10] Bawden Ch. *The modern History of Mongolia*. London – New-York; 1989.
- [11] Lattimore E. *The making of modern China*. New-York; 1944.
- [12] Bombuzhay AK-O. *Rossiiai Tuva: problema stanovleniya svyazey v kontse XIX – nachale XX v.: dissertatsia na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02.* [Russia and Tuva: the problem of the formation of ties in the late XIX – early XX centuries: PhD thesis]. Moscow; 1999 (in Russian).
- [13] Vasilenko VA. *Na puti k protektoratu (Otnosheniya pravitelstva imperskoy Rossii s Kitaem I Mongoliej po voprosampoliticheskogovliyaniya v Tuvevovtoroyopolovine XIX – 1914g.)* [Towards a Protectorate (Relations of the Government of Imperial Russia with China and Mongolia on Political Influence in Tuva in the Second Half of XIX – 1914)]. Irkutsk; 2014 (in Russian).
- [14] Mintslov SR. *Uryanhayskiy kray* [Uryanhai region]. *Eniseyskaya myisl*. Krasnoyarsk; 1915; (2): 2 (in Russian).
- [15] Mollerov NM. *Istoriya sovetsko-tuvinskih otnosheniy (1917–1944)* [The history of Soviet-Tuvan relations (1917–1944)]. Moscow; 2005 (in Russian).
- [16] Datsyishen V.G. *Sayanskiy uzel: Usinsko-Uryanhayskiy kray i rossiysko-tuvinskie otnosheniya v 1911–1921 gg.* [Sayan knot: Usinsk-Uryanhai region and Russian-Tuvan relations in 1911–1921]. Kyizyil; 2003 (in Russian).

Article received: 4 September 2017

For citation: Victoria A. Vasilenko, “Uriankhai issue” in foreign policy of Russia in the early 20th century and the problem of foreign states’ participation in it. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (4): 641–655. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-641-655.

About the author: Victoria A. Vasilenko, PhD in History, Associate Professor of Department of Applied Informatics and Documentation Department at Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).